род. — Судьба человеческая, судьба народная. Вот почему Расин велик, несмотря на узкую форму своей трагедии. Вот почему Шекспир велик, несмотря на неравенство, небрежность, уродливость отделки».[9]

Острота этого высказывания заключается в том, что Пушкин, поднявшись над характерным для своей эпохи романтическим восприятием Шекспира и Расина как противоположных друг другу и несоизмеримых величин, нашел общее в самом предмете их искусства и таким путем определил, в чем состоит величие не только Шекспира, но и Расина, а именно в «развитии», т. е. раскрытии «судьбы человеческой».

Но как же понималась «судьба человеческая», т. е. человек в его реальной, земной жизни и практике, эпохой Шекспира и Расина? Ни физика, ни математика, ни гносеология Декарта ответа на этот вопрос не дают. Его следует искать у других философов, уделявших по сравнению с Декартом значительно больше внимания проблемам этики, проблемам поведения, блага, судьбы опять же реального, земного, естественного человека. Такими философами были, как известно, Бэкон, Гассенди, Гоббс.

В своей классификации наук Бэкон отвел почетное место «естественной науке о душе», заложив тем самым основы современной психологии. Науку о душе, по аналогии с наукой о теле, Бэкон назвал «анатомией души» и положил ее предметом опытное изучение характеров и страстей человеческих с целью практического знания людей, без которого невозможна наука о нравственности, включавшая не только этику, но и политику. Указав, что в области практического знания людей еще ничего не сделано, Бэкон отнес «анатомию души» в раздел «desiderata», т. е. в раздел наук будущего.

Итак, для Бэкона, как и для его современников, область человеческой психологии была покрыта тайной. Раскрытие этой тайны и явилось исторической миссией драматургии Шекспира, с одной стороны, и французских классицистов XVII века, с другой. В своем знаменитом труде «Век Людовика XIV» Вольтер, сетуя на упадок современного ему французского театра и объясняя это исчерпанностью его сюжетов, писал: «В начале этого ‹XVII› века дорога была трудна потому, что никто не ходил по ней: а теперь трудна, потому что очень пробита. Великие люди прошедшего ‹речь идет о французских классицистах XVII века› учили мыслить и говорить: они сказали новое, а последователи их должны повторять старое... Не надо думать, что

---

[9] А. С. Пушкин, Полн. собр. соч., т. 11, Изд. АН СССР, М.—Л., 1949, стр. 419.